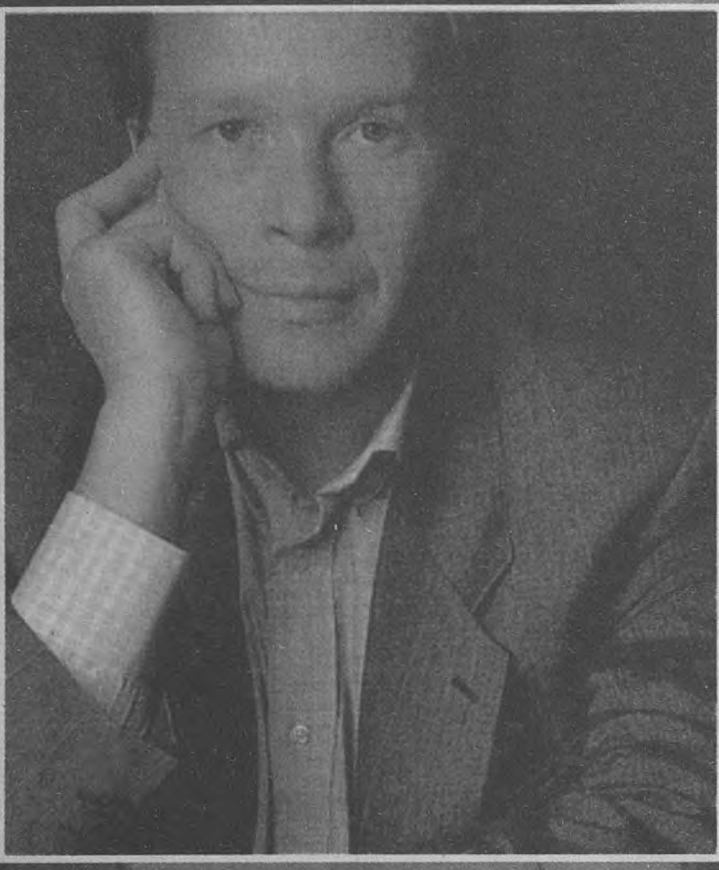

Русская красавица

мне, я испытывал страстное желание провалиться сквозь землю. В его руках была только что изданная в Амстердаме по-голландски книга «Москва — Петушки».

— Боб, — сказал я сдвинувшись. — Боб, это не моя книга.

— Чья же она? — спросил Боб недоверчиво и тихо, как доктор.

— Другого Ерофеева, — ответил я.

Я видел, как Боб все больше из консула превращается в домохозяйку, наблюдающую за тем, как у пациента на его глазах едет крыша.

— А это кто? — спросил он меня очень ласково.

Он повернул книгу и показал на задней обложке фотографию автора. Это была моя фотография.

— Это — я, — пробормотал я совершенно подавленно.

— Значит, есть повод для моего тоста, — по-прежнему ласково сказал Боб, отчаянно посмотрев в сторону западных консулов за поддержкой. Те с бокалами шампанского стали торжественно подниматься со своих мест.

— Положите! — крикнул я консулам. Консулы сели. — Это — я, — повторил я Бобу, желая объяснить, хотя еще не зная как. — Но эта фотография не имеет никакого значения. У него другое имя.

— Имя? — с подозрением спросил Боб.

— Венедикт, — вымолвил я.

Боб развернул книгу передний обложкой. Наверху было написано: Виктор Ерофеев.

Мне нечем было крыть. В руке у Боба возник бокал шампанского.

— Давайте выпьем... — начал он.

— Постой! — сказал я. — Я не буду пить. Это не моя книга.

Боб, кажется, стал терять тер-

Консулы потянулись ко мне, и мы все с облегчением выпили. Горничные принесли кофе. Вместо кофе мы с женой стали откланиваться. Консулы и тропические боги смотрели нам вслед, на наше паническое бегство, на мой литературный Ватерлоо и еще, наверное, долгое время обсуждали:

— Вы представляете себе? Ерофеев не только отказался признать свое авторство! Он даже побоялся взять книгу в руки!.. Как тяжела участь русского писателя при тоталитаризме!

— Ой, бля!!! — взвыл я на весь заснеженный дипломатик, сжимая кулаки.

— Что с вами? — строго спросил старый вхохлел, верный пес-охранный из УПДК.

— Да так, осуждаю капитализм, — так же строго ответил я, покидая гостеприимное гетто.

Прошло десять лет. Уже из-за могильного зеркала Ерофеев в начале 90-х годов стал свидетелем обратного действия. Поляки, подготовив издание «Русской красавицы», отдали отрывок в краковский популярный журнал «Пшекури». Любимый автор местного самиздата, однофамилец был национальным героем Польши. «Пшекури» напечатал на весь разворот кусок из «Красавицы» — с его фотографией и под именем Венедикт. Более того, польский критик предвещал публикацию предисловия, где с блеском доказывал, что после «Петушков» единственно возможным творческим развитием автора могла стать «Русская красавица». Мы были кивты и — не кивты. Не думаю, чтобы однофамильцу понравилась идея быть автором «Русской красавицы».

ком, который на вопрос «сколько времени?» мог бы сказать в ответ какую-нибудь галстук назидательного порядка.

После скандала с «Метрополем» я получил небольшое офицерское звание, типа старшего лейтенанта, и уже скоро стал мечтать об отставке, но деваться было некуда: приходилось служить на мелких подрывных работах.

Всю нашу армию спасала и разлагала склонность к ботеме. Сильным центром ботемы была мастерская Мессерера — Ахмадулиной на Воробьевском. Появление однофамильца в этой среде было несколько запоздалым, отчасти вынужденным (он заболел и нуждался в помощи), отчасти закономерным. Ерофеев обладал репутацией национального достоинства, однако правильно разыграл свое генеральство по нотам розановского отщепенства. Это было красиво, хотя само место обладало «тщеславной» радиацией, что несколько смазывало картину. Зато пафос дружбы был возведен в запредельную степень. Только не между нами. Между нами была любовь в один ворота. Ерофеев был последователен в своем далеком, неприятельско-неприятном отношении ко мне. Но мы не были бы русскими, если бы хоть раз не попали в историю.

На чердаке был пир на весь мир — провозачи Беллу и Бориса за границу. Однофамилец был после операции на горле, со своим японским чудовищным аппаратом. Посреди ночи он столкнулся со мной и спокойно, чрезвычайно изрек (тоном, который разрабатывает теперь генерал Лебел), что он не любит того, что я пишу.

однофамильцу денег на такси и открыл дверь настелю. Мы вышли втроем. Хотя сказать: вышли — ничего не сказать. Актрисы и однофамильцы так качало, что они едва вышли вон. Я тоже выпил, но держался на ногах. Однофамилец молчал, не имея возможности говорить. Мы подхватили с ним актрису под руки и поволокли ее по Воробьевскому в сторону Нового Арбата. Доволокли до угла Нового Арбата, где была церковь без крестов. Я их прислонил друг к другу, чтобы поймать такси. Они упали. Я принялся их поднимать.

Подниму одного, бросаюсь к другой. Ерофеев падает в субботу. Хватаюсь за однофамильцу — падает актриса.

Вдруг — вот уж действительно откуда ни возьмись — милиционер. С расшнур. Маленького роста. Совсем коротышка. Молодой и презлющий. Смотрит на меня и весь даже дрожит от злости:

— Вы пьяные!

И начинает вызывать наряд по радиации. Я представил себе, как нас забирают: двух Ерофеевых и знаменитую актрису Л. — в вырезившейся, я стал давиться от смеха. Мент просто ошарашен. На дворе время горбачевской борьбы с алколизмом. С нас точно снимут три шкуры.

— Мы не пьяные, — говорю я злому милиционеру. — Мы больные.

— Знаю я вас, все вы такие больные!

— Не веришь?

Я схватил однофамильцу за талию, словно решил танцевать с ним танго. Но вместо танго стал размахивать ему черным шарфом, который на нем был всю ночь. Я не знал, что я там увижу. Я только знал, что ему вырезали горло.

Однофамилец не сопротивлялся. Я размотал шарф и — увидел: у него там все вырезано!!!

Боже милостивый! За что Ты его так?!

Бедный ты мой Ерофеев...

Но, с другой, совсем с другой стороны, — я испытывал чувство звериной мести. Пусть мусор постоится полным отсутствием всего! Вызывать тут наряд надумал! Государственный га! Я оглянулся, чтобы пристыдить мента.

Ну что, увидел, что мы больные?

К моему полному удивлению, я не увидел милиционера. Он был маленький. Я это запомнил. Я медленно — тоже все-таки не слишком трезвый — заглянул себе под правую руку — ты тут? — его не было. Под левую. Мент сбегал!

Я не думаю, чтобы Ерофеев что-то помнил на следующий день.

тал на разных московских сборищах, в каком-то смысле проверенный текст. Еще одна иллюзия!

Публика сидела ослепленная, мертвая, в нее ничего не проникало, ни слово, ни звук. Я занервничал, стал читать все громче и быстрее, затормозил, словно хотел докричаться и с заискивающим обещанием: сейчас-сейчас начнется интересное. Интересное не началось. Зато через микрофон я устроил большой, сбивчивый крик на весь кинотеатр. Я кончил «Идиота». Зал, поджав губы, молчал. Раздались какие-то жидкие хлопья, которые звучали иронически при общей тишине. Я встал за «Персидской сиренью». Я внутренне уже примирился с провалом, но мне не хотелось сдаваться.

Зал с удовольствием пристрелил меня напоследок.

Потом вышел на сцену Ерофеев, высокий, седой и прямой — и зал взвыл от восторга и не переставал реветь от восторга от каждого слова своего любимца.

Когда все кончилось и Ерофеев окружил восторженная публика, я тоже подошел поздравить. Он никак не отозвался. Со мной все было кончено.

Я вдруг обомлел. Толпа секундантов повалила пить и гулять. Я вышел из кинотеатра, сел в свои «Жигули», стал треть мотом. Совершенно неожиданно кто-то постучал мне в окно. Я оглянулся: однофамилец!

— У тебя есть «прикурить»? — спросил он, как будто и не было всего этого вечера. — Машина у нас не заводится.

Я развернулся и подхал к капоту к его машине. Достал «усы» — они быстро завелись. Однофамилец приоткрыл окно:

— Поехали — выпьем.

Я помолчал, глядя на машину его секундантов. Вот люди, которые так близоруко радуются, что их кумир значит больше того, что он написал. По-моему, это приговор и куриная слепота! Неудачливый Ломоносов! Бездельник, импотент, ничего не сделавший за двадцать последних лет жизни! Одни натужные повторы, перемены себя! Я написал целую книгу о том, о чем ты так неуклюже и по-крошечному рассуждаешь в своих записных книжках, где из тебя лезет наивная похоть, любовь к дешевым каламбурам и радость первых, зачаточных знаний!

Что ты несешь, задетый человек! — оборвал я себя.

Я был рад, что поделился с ним автомобильной энергией, мне почему-то это понравилось, но пить мне с ним не хотелось.

— В другой раз.

Больше я его никогда не видел. Прошло время, и он мне позвонил. Меня не было в Москве.

— Это однофамилец, — сказал он моей жене.

— Если ему надо — сам перезвонит, — сказал я, вырвав Манилова из себя с корнем.

А потом было вот что: в мае 1990 года я с сыном уехал в Германию, а жена осталась дома. Поздно вечером раздался звонок.

— Это квартира писателя Ерофеева? — спросил хмурым мужского голоса.

— Да, — сказала жена.

— Я хочу выразить вам свои соболезнования по случаю смерти вашего мужа...

— А... сын? — помолчал, спросила жена, решив, что мы разблизлись на самолете.

В телефоне возникла пауза. Жена грохнулась в обморок.

Два Ерофеевых

Идея вечера «Два Ерофеевых» зародилась в авангардистских гонимых на волне все той же перестройки и была легкомысленно мною подхвачена в духе маниловского хепенинга. Я не потерял безумной надежды найти понимание, чтобы впоследствии пить с Ерофеевым чай с вареньем на высоком балконе и говорить о литературе. Кроме того, хотелось, чтобы публика перестала нас путать.

Был найден кинотеатр на Красной Пресне; большой, он был забит до отказа. Я подготовил метафизический текст. Я думаю, мы посмеемся.

Это был не вечер. Это была дуэль. Это все равно что армянская сборная по футболу играет на стадионе в Тбилиси. Нет, хуже. Армянской сборной никто не желает победы, она она всегда нужна для поражения. Я был недостойно поражен. Меня хотели списать раз и навсегда как несостоятельного игрока, претендующего на игру в одной лиге с любимым лидером. По сути дела, мне надо было встать и сказать: я — самозванец. Уйти и больше не возвращаться.

Публика пришла на однофамильцу. Они знали «Петушки» наизусть и готовы были клясться каждым словом поэмы. Моей публике фактически не было, потому что у меня и не было никакой публики. Так, несколько десятков сочувствующих.

— Ты помоложе. Ты и начинай, — холодно сказал мне с помощью японской машинки (она так и называлась) однофамилец, и мы разошлись по разные стороны зала стреляться.

В порядке предисловия Пригов сказал что-то такое игровое о двух Ерофеевых, воспринятое публикой без особой симпатии. Мне передал микрофон. Я понял, что никакая метафизика однофамильцу не пройдет. Я понял ясно и просто, что сейчас провалится так, что об этом будут слагать легенды, и вся маниловщина из меня выстрелилась.

Я не был готов к дуэли; однофамилец был силен и быстр, с ним было не справиться. Да и зачем? Оставалось надеяться на его милость, последняя надежда была на него. В конце концов, он услышит мой текст и сам решит, как поступить.

Я стал читать «Жизнь с идиотом», рассказы, который не раз чи-

Виктор Ерофеев

Редатор: Владимир КИСЕЛЕВ, Анатолий КОСТЮКОВ, Юрий ПАТРИН, Анна ПОЛИТКОВСКАЯ, Ольга СОЛОМОНОВА, Игорь ШЕВЕЛЕВ, Егор ЯКОВЛЕВ. Секретарь: Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ. Руководители направлений: Игорь АНДРЕЕВ (информация), Алексей БАУСИН (международная жизнь), Сергей ВАРШАВИЧ (СМИ), Наталья ГРИГОРЬЕВА (город), Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Оксана ПОЛОНСКАЯ (спорт), Елена СКВОРЦОВА (право). Представители за рубежом: Николай АЛЕКСАНДРОВ, Федор ЮРИКОВ (Прага), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Эдуард ГОВОРУШКО (Рига), Александр ЖУРБИН (Нью-Йорк), Наталья ЛОПАТИНСКАЯ (Вильнюс), Лариса ОСТРОЛУЦКАЯ (Киев), Борис ПАНКИН (Стокгольм), Аркадий РОММ (Одесса), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРАНЯН (Ереван), Алексей ХАЗОВ (Рим), Вера ЦЕРЕТЕЛИ (Тбилиси), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт).

Исполнительный директор Наталья КЛОЧКО. Финансовый директор Дмитрий ШАЛИН. Директор по развитию Татьяна КАРАСОВА.

Драма однофамильства

Гений «без»

Когда в газете «Новый азиат», присланной мне из индийского посольства с любезной и бестолковой припиской некоего г-на Патнаика, я прочел соблазнительные строки о себе как о жертве сравнения с моим великим однофамильцем, я подумал: «Доброе утро, Индия! Ты проснулась!» — и тогда до меня дошло: я имею дело с пожизненным приговором. Сначала в Москве, дальше в русской глубине, затем в Европе и США, сегодня в Индии, завтра в Эфиопии, послезавтра на Борнео и на Огненной Земле я, как стоял, так и буду стоять Святым Себастьяном со связанными за спиной руками, и все кому не лень будут изо всех сил меня сравнивать.

Я, впрочем, уже не сомневался в том, что сети заговора плетутся не померещившимся мне индусом, но, как и раньше, как всегда, в спектакле видна закулисная, если не сказать того хуже, рука мастера.

Венедикт Ерофеев сложился как гений. Русский гений есть гений жизни. Жизнь русского гения тождественна национальным идеалам. Русские национальные идеалы в равной степени не отрицательны и не положительные. В них есть, скорее, положительная отрицательность, укрепленная в гнезде частицы без.

«Мы» (русские) — беспомощны, бестолковы, безнадёжны, безучастны, бессмысленны и тоже безобразны (без негативности), но одновременно: безграничны, беззаботны, бестрашны и даже, может быть, бессмертны (без позитивности).

Безотцовщина — в русской структуре — лучшее любого отцовства. Бессребренник лучше делится точно так же, как бескорыстие лучше всякой корысти. Жить без паспорта, без приписки, без диплома и нижнего белья, безоглядно, безотчетно, безудержно, беспорочно, бесшумно, бескомпромиссно — все это значит по-русски жить безудержно.

Так жил Ерофеев.

Знакомство

С Ерофеевым я познакомился в лифте. Он глядел прямо перед собой. Я глядел себе под ноги. Мы молча ехали вверх.

Обоим было ясно, что он лучше меня во всем. Он был более высокий, более красивый, более прямой, более благородный, более опытный, более смелый, более стильный, более сильный духом. Он был бесконечно более талантлив, чем я. Он был моим идеалом, кумиром, фотографией, вырезан-

ной из французского журнала, культовым автором любимой книги. Мы ехали в лифте в хрущевском районе, в хрущобе, вставшей на попу. Он сказал, глядя прямо перед собой:

— Тебе бы, что ли, сменить фамилию.

Я невольно взглянул ему прямо в лицо. Лучше бы не делал. Он стоял в пальто, в слегка сбившейся набойке, придававшей ему слегка захватывающий вид, красиво контрастирующий с наглухо застегнутой белой рубашкой и ранней сединкой. Лицо выражало легкую безразличность и легкую беспощадность, вполне достаточную для мелкой жертвы.

— Поздно, Вень, поздно, — сказал я с отчаянным достоинством маленькой обезьянки (храбрый участии демократического движения, организатора альманаха «Метрополь», уже автора «Русской красавицы»).

Я был сам во всем виноват. Я подставился. Зачем потащился в хрущобу слушать, как он читает только что написанную пьесу? Я же зарекался не знакомиться. Мне ужасно хотелось с ним познакомиться. Я не помню, когда прочитал «Москва — Петушки» в первый раз, где-то в начале 70-х, но зато точно помню свой телесный восторг — Херес! Кремль! Поцелуй те-ти Клавии! Революция в Петушках! — и свою первичную легкомысленность... отрешенность... подумай... я даже не обратил внимания... в отношении однофамильцу. Меня с ним рано начали путать... мне было мучительно лестно... я отнекивался, смущаясь и радуясь поводу поговорить о его книге... и меня, как потом говорилось в газетах, стимулировало... то, что путали...

Вся квартира превратилась в ритуальную кухню подпольной культуры, почти (как оказалось позже) на излете: начался 1985 год, — но прежде, чем читать, Ерофеев пустил по кругу шапку для сбора денег. Молодое инакомыслие полезло по карманам в поисках трешки. Шапка наполнилась до краев. Кто сходил? Вызвался я. Не без тайной детской мысли все-таки понравиться и оправдаться. У меня единственного было машина.

— Подожди только, не читай без меня, — предупредил я Ерофеева и уехал в советский винный магазин с неповторимым и незабываемым запахом, который нохла вся страна. Отстояв часовую очередь, я купил ящик болгарского красного сухого и внес его в квартиру будущих друзей перестройки. Ерофеев читал, презрев нашу договоренность. Я растерянно остановился на пороге. Ерофеев преврал чтение и сказал изысканным голосом:

— Дай дочитать до конца первого акта, и мы выпьем.

Ящик вина получился сильнее чтения. Я поймал юродствующую интонацию, граничившую с искренностью. Когда Ерофеев кончил, его жена Галия собрала странички рукописи в папку и села, трогательно прикрыв ее попой.

— Чтобы не потерялась, — важно объяснила она.

Вино было дрянно. Знакомство не состоялось. Начинала действовать метафизика однофамильства: в глубине души я был рад, что пьеса мне не понравилась.

Метафизика

Однофамилец — дурной двойник, угроза, тень, один неприятности. Он ворует твою энергию, не делая при этом ровно ничего, одним фактом своего существования.

Однофамилец — враг. Рождественник, носящий ту же фамилию, — собиратель энергии, общий котел. С ним не делиться, им — гордиться.

— Это не я. Это — мой брат, — с улыбкой.

— Это однофамилец, — всегда с раздражением.

Если фамилия общепотребительная, к однофамильцам волевыми невольными привыкаешь, как к физическому дефекту. Когда фамилия редкая, однофамильство даже радует. Хочется взглянуть, кто еще носит твою фамилию.

Беда с фамилиями средней частотности. Сделать из такой фамилии нечто твердое, определенное — большая сложность. Если делаешь, если получается — однофамилец особенно раздражает, вторгается на твою территорию. Естественная реакция — гнать его вон.

С однофамильцем «мы» не бывает.

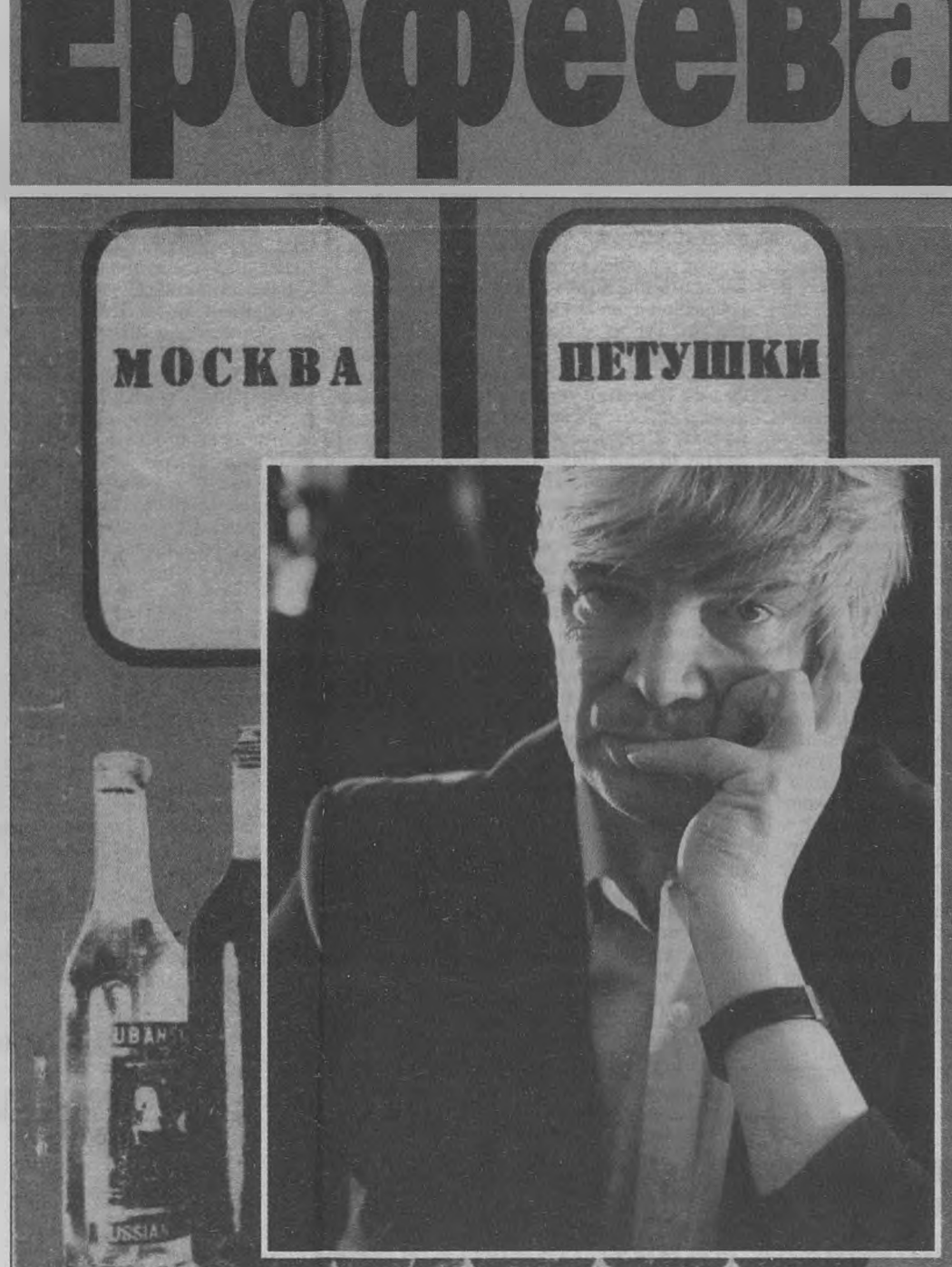
Был ли ужин?

Боб был своим человеком в Москве, и когда он — голландский консул, друг ботемы — позвал на ужин, я с легкостью согласился.

На ужин собрались консулы разных западных стран. Горели свечи. Стоял дух европейской дипломатии: торжественный и непринужденный. Никого из русских, помимо меня, не было. Это меня удивило, но после двух порций джина с тоником удивление размыло, после третьей — исчезло. Консулы засыпали меня бесчисленными вопросами.

— Сейчас будет тост, — заявил Боб и с заговорщицким лицом быстро вышел из-за стола. «Куда это он?» — проводил я его глазами. Моя жена сидела, потупившись. «Приревновала. Вот только к кому? Ко мне сразу?», — решил я.

Боб возник на пороге. По мере того как Боб приближался ко

пение. Он вновь повернул книгу задней обложкой.

— Ты родился в 1947 году?

— Да.

— Ты участвовал в альманахе «Метрополь»?

— Ну, участвовал.

— И ты хочешь сказать, что это — не ты?

— Нет, это, конечно, я, — терпеливо сказал я, истекая потом, — но я писал эту книгу.

— Все равно! — ликовал Боб. — Все равно, давайте выпьем за автора этой книги.

— Хорошо, — согласился я. — За Ерофеева!

На чердаке

У литературных диссидентов тоже были свои погони. Иерархия была строгой. Чинопочитание приветствовалось. Понять механизм присвоения званий было непросто. Единого центра не существовало, однако были негласные правила субординации. Смелость и талант были основными компонентами, нередкое конкурентство между собой. Самопожертвование считалось хорошим тоном. Считалось также хорошим тоном слыть не слишком «приятным» челове-

Я не стал требовать объяснений, понимая природу жанра: больше вопросов — больше драки. Тем более что все это было принародно. «Не лобись — не надо». Мы разошлись. Под утро однофамилец потерял свой аппарат. Мы с Мессерером принялись искать его под столами, под лавками, среди бутылок. Пока ползали, мы остались одни. Аппарата не нашли. Ерофеев был сильно пьян (вопреки легенде, что он не пьанел). И еще там осталась знаменитая актриса Тана Л., но совсем пьяная.

Хозяину надоело искать, он дал

Главный редактор номера: Ольга ТИМОФЕЕВА
Газета зарегистрирована в Мининформпечати
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054.
Общая газета. Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна.
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА.
Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН.
Арт-директор: Сергей МОРЕЙНО.
Отдел распространения: Людмила ЛИР. Тел.: 915-53-89
Отдел рекламы: Тел.: 915-75-23; Т/ф: 915-26-06
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81

Адрес
редакции:
109240, Москва,
ул. Гонимая, д. 1.
Справки
по телефону:
915-22-88;
факс 915-51-71,
e-mail:
ogtech@corbina.ru

Наш подписной индекс: 32138

Адрес «Гостиной «ОГ»:
121151, Москва,
Кутузовский пр., д. 22
Электронная версия «ОГ»
в Internet:
www.relis.ru/MEDIA/og.html;
www.park.ru; www.nns.ru
в базе данных:
www.integrum.ru.

Общий тираж «ОГ» — 264800 экз. (региональный — 190000 экз.).
Цена свободная
Розничное распространение
в Московском Метрополитене — Агентство
в С.-Петербургском Метрополитене — ООО «МЕТРОПРЕСС»
Вёрстка компьютерного центра «Общей газеты».
Технический директор Валерий МАКАРОВ.
Отпечатано в типографии издательства «Пресса»,
125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.
Номер подписан в печать 25.11.97 г.
Заказ 2764.